

Культура

Патология красоты и клиника свободы

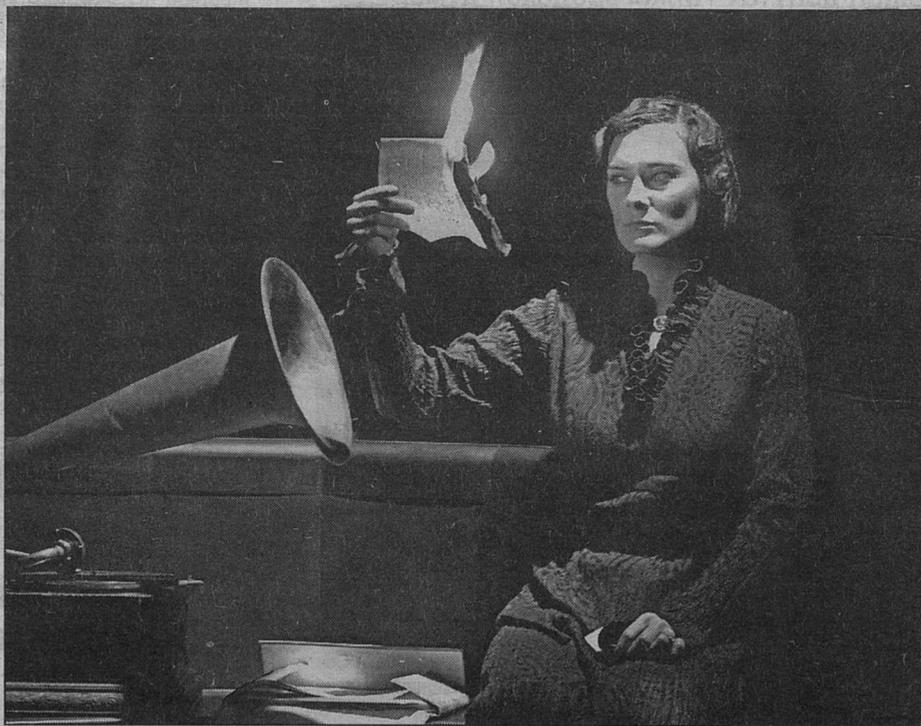
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Карбаускис уже ставил «Гедду Габлер» и этого не скрывает. В программке честно указано: премьера у фоменок – декабрь 2004-го, премьера в Учебном театре ГИТИСа – четырьмя годами раньше. Это был дипломный спектакль, сделанный для сокурсницы Карбаускиса – Натальи Курдюбовой, и юный режиссер сам сыграл в нем Эйлерта Левборга.

После той «Гедды...» Курдюбова осталась под крылом у мастера, то есть у Петра Наумовича Фоменко, а Карбаускис сразу выпорхнул из гнезда и попал в широко (как всегда) расставленные силки Олега Павловича Табакова. «Долгий рождественский обед», «Лицедей» и «Когда я умирала» – таков его послужной список в «подвале» на Чаплыгина. «Старосветские помещики» и «Копенгаген» – мхатовские работы Карбаускиса. Наконец последний с точки зрения хронологии «Дядя Ваня» играется на Основной сцене МХТ, принадлежит Театру Табакова, а профинансирован фестивалем «Черешневый лес»...

Прошлым летом, на вручении «Хрустальной Турандот», где Карбаускис получал порцию хрустала за лучший спектакль сезона – «Когда я умирала», Табаков – за служение театру, а Фоменко вместе со своими актерами – за честь и достоинство, мэтры даже разыграли сцену ревности: мол, одни из последних сил режиссерскую посылку воспитывают, а другие ее переманивают... «Я желаю тебе большого провала», – обратился Петр Наумович к блудному сыну. Учтивая, что беременность фоменок «Геддой Габлер» была к тому моменту уже очевидна, напутствие прозвучало с ноткой двусмысленности...

«Гедда Габлер» – разумеется, не провал. Однако трудно поверить, что этот спектакль выпускается ПОСЛЕ «Когда я умирала». Кто видел «Гедду...» четырехлетней давности, говорят, будто студенческий диплом перенесен на профессиональную сцену фактически под кальку. Некоторые изменения в актерском составе вполне понятны – ну, скажем, не солидно теперь самому Карбаускису играть Левборга. И подозреваю, что в той ГГ не было столь эффектного финала: когда над упавшей замертво Геддой вдруг начинает воскуряться сизая струйка дыма; героиня, только что прострелившая себе голову, как ни в чем не бывало, поднимается, замыкает в границах круглого дивана свою прежнюю жизнь и

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Генрик Ибсен,
«Гедда Габлер».
Театр «Мастерская
Петра Фоменко».
Постановка
Миндаугаса
Карбаускиса,
сценограф –
Владимир
Максимов

уходит куда-то искать Красоту и Свободу, о которых имеет представление навязчивое, но смутное – как дымок от папиросы...

Все пьесы Ибсена сложны, а «Гедда Габлер» – наверное, сложнее прочих. Суровый северный скальд, страдавший бессонницей, человек с лицом тролля, циник и эротоман, наплевистый внебрачных отпрысков по всей Европе, был отцом не только новой драмы, но и норвежского феминизма. Од-

нако если в пьесе «Женщина с моря» проповедуются «свобода воли и личная ответственность», то Гедда, выражая полную солидарность по первому пункту, изменила второй на личную БЕЗответственность. Гедда – собрание противоречий. Она боится скандалов, но легко идет на преступление. Она не способна любить, зато умеет ревновать. Она вызывает желание в мужчинах, но сама чурается плотских связей – в частности, опасаясь забеременеть. Хотя, как говорится, глаза боятся, а руки (и все остальное) делают: аспирант Тесман все-таки оплодотворил свою жену, и этот факт кажется ей унижительным до отчаяния, до бешенства...

Наталья Курдюбова в роли Гедды напоминает Зинаиду Гиппиус, которую мы привыкли считать мадонной, русского декаданта (хоть сама она, говорят, от подобной чести упорно отказывалась). Высокая, сухопарая, с осянкой наездницы, изломами изящных рук, тонким профилем, волнистым абрисом маленькой головки, с пахитоской в длинном мундштуке... – для портретного сходства недостает лишь пенсне.

Гедда красива отвлеченной, абсолютно неженственной красотой, она ненавидит и презирает женщин в принципе, женщину в себе, а равно мужчин, так упорно цепляющихся за ее женское начало. В прозрачных глазах – мир, который лучше не разгадывать. В улыбке – змеиная угроза. Ее дружелюбие – фальшь, ее любезность всегда с подвохом. Будь она честна, ей сле-

довало бы носить на груди табличку «Не влезай, убьет!». От Гедды веет тайной, мраком и холодом, и только дурачок Тесман мог на ней жениться. Впрочем, такого рода глупость у мужчин явление распространенное.

Мы могли бы назвать ее стервой, но стерва, кончающая суицидом, – это нонсенс. Мы могли бы сравнить ее с развращенной чертовкой Ребеккой Дафны Дюморье, но даже не читая заметки Ибсена, легко догадаться, что «в глубинах своей души Гедда глубоко поэтична». В Гедде есть что-то от Катерины из «Грозы» – я имею в виду, той Катерины, которую играет Чулпан Хаматова, – яростное стремление вырваться, обрести свободу любой ценой, пусть ценой жизни. Только вот Гедда легко пускает с молотка еще и чужую жизнь. Соблюдая выхлощенные условности, она абсолютно лишена какого бы то ни было нравственного закона внутри себя. И звездного неба над головой у нее тоже нет. Кому от этого плохо? Всем, но Гедде – в первую очередь. Паук испустил дух в собственной паутине.

Мы можем поставить Гедду в ряд с другими ибсеновскими героинями, каждая из которых рождена корабельной сосной, однако обществом низведена до уровня комнатной бонсаи. Но, увы, на масштабную личность Гедда не тянет. У нее все со знаком минус. Разрушение ради разрушения. Гедда еще очень молода и – в силу природы либо воспитания – очень инфантильна. Папа-генерал приучил ее к эффектным жестам, ни для чего иного она не пригодна.

В конце концов мы вправе предположить, что Гедда больна. О ее психической неадекватности и дегенеративном типе написаны целые диссертации. Есть мнение, что Гедда Габлер – клинический случай нарциссизма.

Карбаускис упрощает трактовку этой великой и загадочной роли как для актрисы, так и для публики. Он окружил свою Гедду тремя ничтожествами мужского пола (не говоря о двух ничтожествах – женского). Если деловитую тархтелку тету Юлле (Полина Медведева) каждая из нас с наслаждением выставила бы за дверь; если милая, но слабенькая Теа (Анн-Доменик Кре-та) будто создана, чтобы ею помыкали жестокосердные подруги, то мужчина – всегда наш последний шанс, наша последняя надежда. У Ибсена вроде бы предполагается, что Гедда вышла за Тесмана без малейшего проблеска живого чувства, что домогающийся ее ассессор – гнусный пошляк (говорят, именно к «Гедде Габлер» восходит столь привычное нам сегодня выражение

«любовный треугольник»), но вот спившийся гений Эйлерт Левборг когда-то действительно был Гедде небезразличен.

Что получается у Карбаускиса? Йорган Тесман (Алексей Колубков) – бородатый увалень, ходячая нелепость. Губошлеп с обручальным кольцом на пухлом пальчике. Пузико утянуто корсетом. Короткие ножки в шерстяных носочках (тетушка подарила). Если завязывает галстук, то нижний язык получается длиннее верхнего. В науке Тесман рабочая лошадка, трудолюбивая посредственность. Занимается брабантскими кустарными промыслами Средних веков. Кстати, а какие там были промыслы? Брабант, Брабант... Ну, конечно: знаменитые брабантские кружева. Иными словами, Тесман изучает ЖЕНСКИЕ кустарные промыслы. А Гедду от любых женских промыслов (жена, мать, хозяйка дома) с души воротит.

Про ассессора Бракка скажу одно: Никите Звереву воплощенная пошлость очень удалась. Можно было так не стараться. А якобы случайная, не предусмотренная автором оговорка: «Хочу быть вам полезен и словом, и ТЕЛОМ...», – вообще за гранью хорошего вкуса. В театре Фоменко столь дешевые приемы никогда не практиковались.

И самым печальным образом эту пару дополняет Эйлерт Левборг (Максим Литовченко). Про героя-любовника тут речи нет. Персонаж скорее комический, жалкий, отталкивающий. По внешнему облику – лектор из «Карнавальная ночь»: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, это науке не известно...». Кстати, и алкогольная зависимость совпадает.

Гедда не умеет любить, но ведь рядом с ней нет ни одного мужчины, которым могла бы увлечься хоть сколько-нибудь разумная женщина. Нам легче понять ее тоску по красоте, поскольку ничего красивого вокруг действительно не наблюдается. Вслед за Флорбером, Карбаускис мог бы сказать: «Гедда Габлер – это я!». Гедда, максималистка и перфекционистка, с маниакальным упорством режиссирует и свою, и чужую жизнь. Карбаускис, пользуясь собственной сценической властью, обставляет дело так, что, хочешь – не хочешь, а Гедду приходится пожалеть. Он манипулирует нами, и это заметно, потому что спектакль все-таки давний. Для молодого режиссера четыре года – эпоха. Совместить себя прошлого и себя нынешнего нельзя, это два разных человека. Вообще-то никогда не стоит цепляться за старые заготовки и студенческие работы. Но, с другой стороны, Гедда Габлер Натальи Курдюбовой, безусловно, стоила того, чтобы мы ее увидели.